

«Подражания древним» Н. Ф. Эмина и их французский источник*

Константин Юрьевич Лаппо-Данилевский

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4; yurij-danilevskij@yandex.ru

Для цитирования: Лаппо-Данилевский К. Ю. «Подражания древним» Н. Ф. Эмина и их французский источник. *Philologia Classica* 2021, 16 (2), 322–337.
<https://doi.org/10.21638/spbu20.2021.212>

В статье установлен источник книги «Подражания древним», опубликованной в 1795 году в Санкт-Петербурге. Ее составителем и переводчиком был Николай Федорович Эмин (1767–1814), сын известного русского писателя и авантюриста турецкого происхождения Федора Александровича Эмина (1735–1770), который умер, когда его сыну было всего три года. Эмин-младший получил военное образование и не владел древними языками, поэтому для своего издания он воспользовался французской антологией Ж.-Ж. Мутонне де Клерфона (1740–1813), многократно переиздававшейся в XVIII веке. Из этой книги Эмин выбрал ряд стихотворений Сапфо, Анакреонта (точнее, эллинистических подражаний ему), Феокрита, Биона, Мосха, Горация и Катутла. Эмин также использовал биографические преамбулы к их стихам; эти вводные тексты были им существенно сокращены. В предисловии к «Подражаниям древним» Эмин развивает теорию «имитации», отрицая возможность точного поэтического перевода. Он также отстаивает необходимость рифм в «подражаниях» древнегреческой и латинской поэзии. Несмотря на эти декларации, Эмин в целом довольно точно следовал в своих стихах французской прозе Мутонне де Клерфона. Лишь единожды, в одиннадцатой идиллии Феокрита, писатель предпринял существенные изменения, пояснив в пространном примечании к ней, что его к этому побудило: уродливого циклопа Полифема Эмин заменил на галантного и привлекательного пастуха Меналка, заявив, что это больше подходит к «нынешнему веку». В остальных случаях отступления от античных претекстов объясняются не своеволием Эмина, но теми изменениями, которые внес в свои переводы Мутонне де Клерфон. Именно он, к примеру, объединил два стихотворения Катутла (XCII и LXXXV) в одно, и как раз этому тексту следовал

---

* Мое знакомство с Александром Константиновичем Гавриловым началось осенью 1983 года, когда я стал посещать факультатив по древнегреческому языку для студентов-русистов ЛГУ, памятный мне особенной атмосферой, живой на фоне идеологизированной казенщины, что царил в целом на факультете. Энергичное постижение грамматики под руководством Александра Константиновича сочеталось с обсуждением разнообразных филологических тем, на закате тоталитарной советской эры выпадавших из обязательного филологического преподавания, но оттого не менее волновавших наши юные души. Я очень признателен Александру Константиновичу за то, что эти беседы имели продолжение и позднее — во время наших с ним большей частью случайных встреч в стенах университета, в библиотеках, архивах, а порой и просто на улице. Поэтому мне особенно приятно, что данная статья, посвященная одному из эпизодов восприятия древней поэзии в России на исходе XVIII столетия, публикуется в год восьмидесятилетия Александра Константиновича в номере журнала «Philologia classica», отмечаяем это радостное событие.

Эмин. В знаменитое оплакивание воробушка Мутонне де Клерфон ввел обращение к чувствительным любовникам, которое находим и у Эмина.

Ключевые слова: русская литература XVIII века, рецепция Сапфо, эллинистической анакреонтики, Феокрита, Биона, Мосха, Горация и Катулла в России, Н. Ф. Эмин, Ж.-Ж. Мутонне де Клерфон.

«Подражания древним»¹ при жизни их автора, Николая Федоровича Эмина (1767–1814), удостоились лишь двух с половиной страниц в «Безделках» П. А. Вяземского, опубликованных в «Вестнике Европы» за 1810 год.² У юного поэта (в 1810 году ему было всего восемнадцать лет) сложилось в целом благоприятное мнение о «маленькой книжке», которую он нашел, «перебирая разные русские книги в библиотеке некоторого любителя отечественной словесности». Вяземский полагает, что «стихотворения, взятые из Анакреона, лучше других обработаны подражателем», и приводит в качестве несомненной поэтической удачи «Амура, уязвленного пчелою». Восхищаясь «приятною легкостью» пьесы, Вяземский ставит ее «наряду с лучшими анакреонтическими одами, на нашем языке известными»; столь же высоки достоинства «Желаний». В переводах из Сапфо, Биона и Мосха Вяземский находит удачными некоторые отрывки, но «для славы издателя не желал бы в собрании видеть перевода двух од Катулла и Горация, а с ними и Теокритовой идиллии, хотя она и лучше их». Приводимые далее цитаты должны проиллюстрировать промахи переводчика, то, что он не всегда соблюдает «чистоту слога и строгие и необходимые правила вкуса», что Венера в одном месте говорит, как «какая-нибудь коллежская советница», что отдельные стихи «черствы и вялы». Как нетрудно заметить, юный Вяземский, усвоивший приоритеты своих литературных наставников (прежде всего, Карамзина и его окружения), не без некоторого высокомерия пишет о книжке Эмина: легкость и изящество слога оказываются главными критериями при оценке им того или иного текста. Тем же объясняется и избирательность его внимания: предисловие, сказка «Пирог», помещенная в «Подражаниях древним», заметки об авторах, творчество которых Эмин представлял русскому читателю, — все это не удостаивается упоминания самоуверенного арбитра. Никак не затронув вопроса о том, каким изданием пользовался Эмин, Вяземский, по-видимому, прекрасно понимал, что тот, скорее всего, не обращался к оригиналу (и это вряд ли Вяземского смущало). Все же он оканчивает свой отзыв сожалениями о малом количестве переводов с древних языков и о малом количестве современных ему русских литераторов, знающих древние языки.³

Сорок пять лет спустя, комментируя анакреонтику Державина, к «Подражаниям древним» обратился Я. К. Грот, назвавший их «малоизвестной книжкой»,

¹ Эмин 1795, 98. Книга посвящена В. А. Zubову. Ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием номера страницы.

² За два года до этого Вяземский опубликовал свою первую прозаическую статейку с тем же названием, ставшую его дебютом в прозе. Как подчеркивает М. И. Гиллельсон, это название «указывало на карамзинистскую ориентацию начинающего критика», вызывая в памяти читателей названия поэтических сборников Н. М. Карамзина «Мои безделки» (1794) и И. И. Дмитриева «И мои безделки» (1795). См.: Гиллельсон 1969, 19.

³ [Вяземский] 1810, 52, 13, 63–66 (подп.: В....). В анонимном некрологе Н. Ф. Эмина о нем говорится лишь как об авторе романов: [Аноним]. 1814, 62.

содержащей «многие взятые из древней литературы эротические стихотворения в переводах с французского, которые по времени, когда жил Эмин, могут быть названы удачными». Сюжет литературный оказывается для Грота неотторжим от сюжета биографического, ибо Эмин в 1784–1785 годах служил экзекутором в Петрозаводске во время губернаторства там Державина.⁴ Чуть позже тот в письме Е. Р. Дашковой от 25 сентября 1786 года так охарактеризовал Эмина: «имеет остроу, но запрометчив и дерзок».⁵ В 1790-е годы отношения двух писателей осложнились; в 1797 году Державин сочинил резкую эпиграмму на Эмина — «Автору, осмеявшему в комедии стихотворцев и переводившему Анакреона».⁶

Грот усматривает элемент соревновательности при сочинении Державиным ряда анакреонтических произведений и даже возводит Эмина в ранг державинского «соперника», с чем трудно согласиться:

«Любопытно, что почти все оды Анакреона, которые выбрал для подражания Эмин, встречаются и у Державина. Зная тогдашние отношения между обоими писателями, близкими к Зубовым, трудно удержаться от заключения, что Державин с намерением остановился на тех же пьесах, чтобы доказать свое превосходство над противником (см. Том I, стр. 336). Книжка Эмина могла даже способствовать к усилению производительности Державина по эротической поэзии и к отдельному изданию им в 1804 году „Анакреонтических песней“. Эмин, с своей стороны, писал, может быть, под влиянием примера Львова, издавшего в 1794 году своего Анакреона, которым после и Державин пользовался как пособием для торжества над самонадеянным соперником».⁷

Из анакреонтического корпуса, изданного впервые выдающимся французским гуманистом Анри Этьенном в 1554 году⁸ и в XVIII столетии почитавшегося подлинными произведениями Анакреонта (в действительности, за несколькими исключениями, он содержит анонимные эллинистические подражания поэту), Эмин перевел в общей сложности тринадцать стихотворений⁹ (W 1, 13, 16, 19, 22, 23–24, 26, 28, 33, 35, 40, 55).¹⁰ Как это показал сам Грот многочисленными сопоставлениями, Державин черпал материал для своих «Анакреонтических песней» главным образом из «Стихотворения Анакреона Тийского», подготовленного Н. А. Львовым.¹¹ Заимствованные темы и мотивы поэт сознательно русифицировал, нередко крайне отдаляясь от античных претекстов, а потому книжка несимпатичного ему Эмина вряд ли могла иметь значение для в высшей степени оригинального державинского

⁴ Подробнее о перипетиях служебной карьеры Эмина см. в новейшей работе: Богданова 2016, 32–38.

⁵ Сочинения Державина 1865, 5, 578.

⁶ По-видимому, против Эмина направлена также эпиграмма «На сочинившего оду без еров» (Сочинения Державина 1865, 3, 499; 9, 273).

⁷ Сочинения Державина 1865, 2, 233.

⁸ Ἀνακρέωντος Τηϊῶν μέλη 1554.

⁹ В библиографическом указателе Е. В. Свиясова «Античная поэзия в русских переводах XVIII–XX вв.» (1998) учтено лишь двенадцать из переложений Эмина — все, кроме «Портрета любовницы» (Античная поэзия 2003, 27–29).

¹⁰ Здесь и далее литера «W» отсылает к нумерации анакреонтических стихотворений в издании: Carmina anacreontea 1984.

¹¹ Стихотворение Анакреона 1794 (в действительности: 1795).

замысла.¹² Думается также, что для Державина было ниже собственного достоинства вступать с Эминым в соревнование, ибо литературные таланты и достижения двух писателей были несопоставимы.

Сложно согласиться с Гротом и в том, что «Стихотворение Анакреона Тийского», билингва, сопровождаемая обширным предисловием и комментариями Львова, повлияла на Эмина. Как показывает сопоставление инскриптов и писем Львова, хотя на титульном листе издания указан 1794 год, в действительности оно вышло в свет, скорее всего, летом 1795-го,¹³ т. е. между появлением двух книг — Львова и Эмина — прошло не так много времени, чтобы выход в свет одной из них мог иметь далеко идущие последствия для творческих замыслов автора другой.¹⁴ В данном контексте важно лишь то, что Грот, предполагая использование Эминым некоего французского источника, этот источник не называет. То же можно сказать и о П. Н. Черняеве, авторе основательного очерка «Следы знакомства русского общества с древнеклассической литературой в век Екатерины II»,¹⁵ и о позднейших исследователях.

Действительно, стихотворные переложения Эмина из древних авторов не дают возможности с точностью указать, каким изданием он пользовался. Однако предисловия к ним,¹⁶ как я постараюсь показать ниже, помогают установить, что под рукой у Эмина была одна из наиболее популярных французских антологий — книга «Анакреонт, Сафо, Бийон и Мосх, новый перевод в прозе с присовокуплением „Бодрствования в канун праздника Венеры“ и собрания стихотворений различных авторов», впервые увидевшая свет в 1773 году и в дальнейшем многократно переиздававшаяся.¹⁷ Ее составителем был довольно известный в свое время литератор Жюльен-Жак Мутонне де Клерфон (Julien-Jacques Moutonnet de Clairfons, 1740–1813). Антология содержит не только прозаические переводы стихов древних авторов на французский язык, сделанные самим Мутонне де Клерфоном, но и стихотворные переводы других французских литераторов из древних поэтов, и оригинальные их произведения, варьирующие античные мотивы (в том числе и переведенные Мутонне де Клерфоном с итальянского языка), и т. п.

Почему же источник «Подражаний древним» ускользнул и от составителей «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII века»,¹⁸ и от исследователей рецепции отдельных древних поэтов,¹⁹ и от авторов специальной статьи

---

¹² Как недоразумение выглядит соотнесение Гротом «Желаний» Эмина и «Шуточного желания» Державина, настолько различны эти стихотворения, настолько неубедительно возведение второго из них к W 22 (Сочинения Державина 1865, 2, 233).

¹³ Лаппо-Данилевский 2015, 190–191.

¹⁴ Нельзя даже исключить, что «Стихотворение Анакреона Тийского» было отпечатано позже книги Эмина, о точном времени выхода в свет которой никаких данных не имеется.

¹⁵ Ср.: «Названное сочинение содержит стихотворения в свободном переводе и переложении с французского из Анакреона, Сафо, Феокрита, Биона, Мосха, Катулла и Горация» (Черняев 1905, 214).

¹⁶ Эти преамбулы иногда цитировались как сочиненные Эминым; ср. например, в статье: Ионин 1969, 171.

¹⁷ Anacréon, Sapho, Bion et Moschus 1773.

¹⁸ Сводный каталог, 1966, 434, № 8618.

¹⁹ Укажу лишь некоторые: Busch 1964, 149–150; Schenk 1972, 122–123; Свясов 2003, 78.

о нем в «Словаре русских писателей XVIII века»?²⁰ Причин тому несколько: во-первых, книжка Эмина гетероморфна, что несколько сбивает с толку при обращении к ней, — так, ее открывает довольно развязная «Грамотка к Анакреонту, Сафе, Мосхусу, Биону, Катуллу и Горацию», за которой следует стихотворная сказка (обе они вполне оригинальны; их литературные достоинства невелики); во-вторых, следующие затем переводы и предисловия к ним представляют читателю куда меньшее число авторов, чем антология Мутонне де Клерфона; в-третьих, Эмин весьма своенравно обращался с исходными статьями о древних поэтах, выкраивая из них свои преамбулы (об этом несколько ниже).

Обратимся, наконец, к книжке Эмина, к открывающей ее «Грамотке к Анакреонту, Сафе, Мосхусу, Биону, Катуллу и Горацию»,²¹ в которой тот, фамильярно обращаясь к древним авторам (что в первую очередь заставляет вспомнить бурлескную традицию), называет их «любезными старичками» и признается в том, что, перелагая, изрядно покалечил их: «Отпустите мне, любезные старички, глупую дерзость мою. Вы мне ничего не сделали, я напал на вас и так изуродовал, что вы не годитесь ни в строй, ни к смотру! Я осмелился подражать вам. Сбылась со мною сказка! хотите? Я вам скажу ее» (с. 5). Далее Эмин повествует о некоем портном, оставившем без надзора обезьяну, присматривавшуюся к его работе и решившую, что этого довольно для овладения тайнами ремесла. В отсутствие портного она взялась за его дело, но лишь искромсала ножницами сукно; Эмин уподобляет себя этой обезьяне.²² В постскриптуме к «Грамотке», упрекая неких, не называемых им переводчиков, не пощадивших «любезных старичков», Эмин столь же залихватски касается двух аспектов, существенных для его воззрений на сущность поэтического перевода. Сам он явно убежден в том, что переводчику не следует рабски следовать оригиналу и что стихи следует переводить стихами, обязательно рифмованными: «P. S. Ну, правду молвить: не пощадил вас и переводчики. Иной кричит: Я перевел в прозе слово в слово. Бедняк! А лексиконы-то на что? Другой: Я перевел белыми стихами! — Государь мой, ежели вы называете белыми стихами мерную прозу без рифм, Вы правы — Ваши стихи очень белы, но белая бумага еще белее...» (с. 7).²³

²⁰ Кукушкина, Степанюк 2010. Воспользуюсь случаем и приведу сведения о ранней биографии Н. Ф. Эмина по формуляру 1797-го года, где она изложена более детально, чем в справочной статье «Словаря русских писателей XVIII века»: «В службу вступил в Горное училище студентом 777го августа 23го, из оного выпущен шихмейстером прапорчья чина 1782го марта 5го, переименован корнетом 786го июля 31го, в штате обер-провиантском обер-провиант-мейстером 793го октября 22го, и по высочайшему его императорского величества приказу, декабря в 30^й день 1796го года отданному, от воинской службы на собственное пропитание отставлен тем же чином. 1797го мая 22го определен в Департамент уделов правителем Канцелярии по корреспонденции и того же мая 21го переименован в статский класс, с награждением за трехлетнюю службу в премьер-майорском чине чином надворного советника» (РГИА. Ф. 515. Оп. 73. Ед. хр. 1. Л. 8 об.). В списке указано, что Эмин «крестьян не имеет» и что в 1788 году он участвовал в военной кампании против шведской армии.

²¹ Скорее всего, по недомотру Эмина в названии «Грамотки» отсутствует Феокрит, одна из идиллий которого представлена в книге.

²² Эмин здесь, смещая акценты, пересказывает сюжет басни А. П. Сумарокова «Портной и марышка» (1760), сюжет которой восходит к «Обезьяне и рыбакам» Эзопа.

²³ Н. Д. Кочеткова не без оснований видит здесь выпад против Н. А. Львова, отстаивавшего в предисловии к «Стихотворению Анакреона Тийского» отказ от рифм по образцу античных анакреонтических од (Кочеткова 1968, 186). Несмотря на эти декларации Львов как бы ненароком зарифмовал две оды в своей книге, а также ряд эпиграмм, преследуя чисто игровые цели (см. подробнее: Лаппо-Данилевский 2015, 226–227).

В заключение постскриптума Эмин анонсирует стихотворную сказочку, которая относится «на счет господ-переводчиков». В ней жена всячески побуждает мужа-бедняка украсть пшеничной муки, из которой она выпечет пирог «чернее и ржаного», чтобы никто не догадался, что он из краденой муки (пшеничная мука семье не по карману). Изложив этот сюжет, Эмин напрямую обращается к переводчикам, которым, как он полагает, не под силу тягаться с авторами, с. 11–12:

О вы, что смелою рукою
Обходитесь с пером мужей иных земель,
Подобно как жена с пшеничною мукою,
О переводчики! какая ваша цель? <...>
И так, почтение к талантам я удвоя,
За долг считаю вам, друзья мои сказать:
Стихи переводить? Их легче сочинять;
Поверьте, говорю отнюдь вам не в досаду:
Вольтер лишь перевесть нам может «Ганриаду» [sic].

Столь прихотливо выраженные соображения, как кажется, имели целью защитить литературную самоценность собственных созданий, представленных в книге, которые Эмин призывает рассматривать не как переводы, но именно как «подражания» (см. выше цитату первых строк «Грамотки»). Таким образом, весьма свободное обращение с иноязычными литературными произведениями объявлялось вполне оправданным — в противовес тщетным усилиям в точности воспроизвести на другом языке все особенности оригинала. Посмотрим же, как были реализованы эти установки Эминым, сопоставив его «Подражания древним» с антологией Мутонне де Клерфона. При этом следует сразу же указать, что русский писатель пользовался либо ее изданием 1779 года, либо одним из позднейших (1780, 1782 и 1785), ибо лишь они, в отличие от первого (1773) и второго (1775), содержат идиллии Феокрита, одну из которых Эмин перевел, подвергнув существенной переработке. Отмечу, что в то же последнее десятилетие XVIII века антология Мутонне де Клерфона стала источником вдохновения для еще одного русского литератора — плодовитого переводчика и поэта Ивана Ивановича Виноградова (1765–1801). В 1792 году он опубликовал «Стихотворения Сафы, лесбийския стихотворицы, переведенные с греческого языка Иваном Виноградовым, изданы с описанием жития сея славная своими дарованиями, любовию и произошедшими от оная злоключениями женщины и присовокуплением песней, переведенных из Анакреонта, и других стихотворений», а в конце 1790-х готовил к публикации куда более объемную книгу «Анакреон и Сафо. С присовокуплением всенощных праздников Венеры и других стихотворений» (осталась в рукописи); в обоих случаях одним из основных источников Виноградова было первое или второе издание антологии Мутонне де Клерфона.²⁴

Как уже говорилось, в «Подражаниях древним» Эмин представил русской публике переложения стихов семи древних поэтов: Анакреонта (в действительности — подражавшей ему эллинистической анакреонтике), Сапфо, Феокрита, Мосха, Биона, Катулла и Горация. Стихам каждого из них в «Подражаниях древним»

²⁴ См. подробнее: Лаппо-Данилевский 2018; Лаппо-Данилевский 2019.

предпослана краткая преамбула. Исключение почему-то составил лишь Гораций, хотя у Мутонне де Клерфона его стихам предпослана краткая статья (р. 209–212).²⁵

Что же осталось за пределами книжки Эмина? Какие разделы не вызвали у него интереса? Эмин не удостоил своего внимания «Эпиграммы из антологии» («*Épigrammes de l'Anthologie*»), насчитывающие двадцать одно стихотворение, анонимную латинскую поэму «Ночное празднество Венеры» («*Pervigilium Veneris*»), эпиллий «Геро и Леандр» Мусея Грамматика, а также произведения новоевропейских авторов, даже если они, как стихи Андре Франсуа Буро-Деланда (*André François Boureau-Deslandes*, 1689–1757),²⁶ были написаны на одном из древних языков (в данном случае на латыни).

С преамбулами в издании своего предшественника Эмин обходился более чем своевольно, вырывая из них пассажи и свободно комбинируя с отрывками, извлеченными из других частей. Так, до трех страниц оказалась сокращена шестнадцатистраничная статья об Анакреонте, до пяти страниц семистраничная о Сапфо, до двух страниц четырехстраничная о Теокрите, до одной страницы четырехстраничная о Бионе и Мосхе (одна общая преамбула была разделена на две), до одной страницы двухстраничная о Катулле.²⁷ При этом Эмин в первую очередь стремится сообщить своему читателю краткие биографические данные и дать общее представление о творчестве. Добавления минимальны и крайне редки, они вызваны стремлением связать разнородные пассажи. Нарушения последовательности повествования в сравнении с Мутонне де Клерфоном относятся, скорее, к исключениям.²⁸

Для иллюстрации «метода» Эмина приведу начало заключительного абзаца его преамбулы к Анакреонту, а в параллель «исходные» пассажи из антологии Мутонне де Клерфона (курсивом выделены фразы, оставленные Эминым без внимания):

<p>Анакреон жил 85 лет. Говорят, что в последние дни жизни питался он изюмом. Косточка оно-го, остановясь в горле, причинила страшный кашель и тем его удушила. Погребение было великолепное. Воздвигли потом Анакреону гробницу и статую в Теосе, и во времена уже Павзаниасовы нашли в крепости афинской статую пиита сего, помещенную возле Перикловой и Ксантипповой (с. 15–16).</p>	<p>On rapporte que dans ses dernières années il se nourrissoit de raisins secs, & qu'un pépin s'étant arrêté dans son gosier, le suffoqua. <i>Le Poète le plus aimable & le plus Philosophe, devoit éprouver une mort douce, & finir, pour ainsi dire, par un sommeil court & paisible.</i> Anacréon mourut à quatre-vingt-cinq ans. Sa pompe funèbre fut magnifique: on lui éleva un tombeau & une statue à Téos. <i>On trouvoit souvent dans sa Patrie des tableaux & des médailles qui le représentoient.</i> Du tems de Pausanias on voyoit encore au milieu de la citadelle d'Athènes, la statue de ce Poète, placée à côté de celles de Périclès & de Xantippe (p. 9).</p>
--	--

²⁵ Здесь и далее для сопоставлений использовалось издание антологии Мутонне де Клерфона 1780 года: Анакреон, Sapho, Bion et Moschus 1780. Ссылки на данное издание даются далее в тексте.

²⁶ Впервые опубликованы в кн.: *Poetæ rusticantis literatum otium, sive carmina Andreae Francisci Landesii*. Londini, 1713.

²⁷ При этом следует учитывать, что шрифт в издании Мутонне де Клерфона 1780 года более убогий, чем в «Подражаниях древним» Эмина.

²⁸ Как, например, фраза «Анакреон жил 85 лет» в примере, приводимом ниже, перемещенная в начало абзаца из его конца.

Заключает финальный абзац об Анакреонте еще пять кратких фраз (обобщенная характеристика творчества, сведения о несохранившихся сочинениях), переведенных уже со следующей, десятой страницы.

Как же представил Эмин русскому читателю творчество древних поэтов? Насколько полно в сравнении с Мутонне де Клерфоном? Можно ли выявить его художественные приоритеты и образцы, на которые Эмин при этом ориентировался? Насколько он следовал принципам свободного подражания, которые прокламировал в «Грамотке»?

Из анакреонтического раздела антологии Мутонне де Клерфона, насчитывающего 90 стихотворений (61 ода, эпиграмма, эпиграмма, отрывки и проч.), Эмин «выхватывает» тринадцать од, почти все из которых до него уже переводились на русский язык²⁹ и среди которых нет ни одной, написанной историческим Анакреонтом. Надо сказать, что Эмин в целом весьма точно перелагает русскими стихами французскую прозу Мутонне де Клерфона, изредка оставляя без внимания мифологические имена и географические названия и тем освобождая себя от необходимости пояснять их: в оде VI «На вкусы» им опущено имя сардийского царя Гига, в зачине оды VIII «Желанья» не упомянуты ни Ниоба, ни Пандион, ни Фригия и проч.

Нужно согласиться с П. А. Вяземским, что анакреонтические стихи вполне удались Эмину. Сыграло при этом роль то, что этот гедонистический жанр был к концу XVIII века достаточно хорошо разработан в России и насчитывал не один шедевр. Переводя эллинистических подражателей Анакреонта, он следовал главным образом ломоносовскому канону анакреонтических од, утвердившемуся в русской поэзии после посмертной публикации «Разговора с Анакреоном» Ломоносова в 1771 году. Согласно этому канону русская анакреонтика должна была писаться либо хореем (преимущественно четырехстопными), либо ямбами (предпочтительно трех- или четырехстопными), быть строфичной, выдерживать определенный рисунок регулярно чередующихся мужских и женских рифм; предполагалась и равностопность стихов.³⁰ В девяти переложениях Эмина выдержаны различные виды ломоносовского канона (при этом хореических стихотворений всего два, остальные ямбические). Еще три стихотворения написаны шестистопными ямбами — размером первоначально малоупотребительным в русской анакреонтике; они строфичны, равностопны и зарифмованы.

Лишь в ямбической оде IX «Амур в оковах», на мой взгляд, одной из наиболее удавшихся, Эмин варьирует число стоп в строках. Нечетные стихи насчитывают

---

²⁹ Так, например, Виноградов переложил в стихи четыре из переведенных Эминым анакреонтических од и включил их в свою книжку «Стихотворения Сафы, лесбийския стихотворицы» (1792), а еще одну, «Хочу гласить Агамемнона...», поместил ранее в периодике: *Распуший виноград*, 1786, 5, 75.

³⁰ Впервые свое понимание анакреонтической поэзии Ломоносов воплотил в оде «Ночною темнотою...», опубликованной в его «Кратком руководстве к красноречию» (1748). Альтернативные представления о форме русских анакреонтических од, в большей степени приближенных к их древнегреческим прототипам, продемонстрировал А. П. Сумароков, напечатавший в июльском номере «Ежемесячных сочинений» за 1755 год две эталонные оригинальные анакреонтические оды («Пляскою своей, любезна...» и «Завидны те мне розы...»). Согласно этим образцам, анакреонтические оды должны были быть астрофичны, иметь женские нерифмованные клаузулы и быть написаны либо четырехстопным хореем, либо трехстопным ямбом. См. подробнее: Лаппо-Данилевский 2020.

поначалу четыре стопы, а к концу стихотворения три, в то время как четные стихи неизменно шестистопны (греческий оригинал написан гемиямбами):

Прелестны музы и суровы
За шалости любовь решились наказать,
Сплели из роз они оковы,
Амура бедного задумали связать.
Тотчас они его скрутили!
И не диковина: их много, он один.
Потом красавице вручили
Присмотр за ним, чтоб сей проказа-господин,
Который все сердца прельщает,
Какою хитростью не вздумал убежать!
Венера, сведав, обещает
На выкуп пленника и на поруки взять.
Но это все напрасно!
Пожалуй, свободи его ты из оков:
Амуру здесь прекрасно!
В неволе он такой жить целый век готов.

(с. 32).

В разделе, посвященном Сапфо, Эмин помещает свои переложения знаменитого «Гимна Венере», не менее знаменитой любовной оды («Благополучен тот, кто близ тебя стонет...»), эпитафий рыболову Пелагону и «девице Тимасе», а также отрывка «Роза». Если в XVIII веке мало кто сомневался в принадлежности Сапфо этих двух эпитафий (в действительности они были сочинены уже в эпоху эллинизма), то о том, что отрывок «Роза» написан другим автором, было известно довольно широко.³¹ Это, впрочем, не препятствовало многочисленным перепечаткам «Розы», заимствованной из романа Ахилла Татия «Левкиппа и Клитофонт» (кн. II, гл. I), под именем Сапфо. Соответствующий раздел у Мутонне де Клерфона куда обширней — в нем помещено еще пять отрывков и шестнадцать фрагментов. В своем прозаическом переводе «Гимна Венере» французский писатель опускает весьма важный и не раз становившийся камнем преткновения для переложителей эпитет *ποικίλοθρονος* (пестротронная, восседающая на разукрашенном престоле), поэтому он отсутствует и у Эмина, у которого в зачине гимна читаем:

О ты, бессмертная Венера!
Которой жизнь дал мира царь;
Вселенна вся твоя Цитера
И сердце каждое оltарь.

(с. 49).³²

³¹ Ср. например, в издании И.Б. Лонжепьера (Hilaire-Bernard de Roqueleyne, baron de Longepierre, 1659–1721), где этот текст хотя и включается в корпус Сапфо, но с указанием источника и определенными оговорками: *Les oeuvres d'Anacréon et de Sapho, contenant leurs poésies et les galanteries de l'ancienne Grèce. Traduites de grec en vers françois par M. de Longepierre avec des notes curieuses sur tout l'ouvrage.* Paris, 1692. P. 390.

³² Виноградов в отличие от Эмина не опускает этот эпитет и обращается к Афродите, а не к Венере, что может служить указанием на использование им древнегреческого подлинника: «Разнопрестольна Афродита / Бессмертная Зевеса дочь...» ([Сапфо, Псевдо-Анакреонт и др.] 1792, 13).

Перелагая любовную оду Сапфо, Эмин явно ориентировался на стихотворный перевод Н. Буало, который помещен Мутонне де Клерфоном после собственного прозаического в сопровождении высочайших похвал. В целом Сапфо в исполнении Эмина предстала «ямбической поэтессой». Ода «Благополучен тот, кто близ тебя стонает...» написана шестистопными ямбами, остальные стихотворения раздела — ямбами четырехстопными; все переложения разделены на катрены с перекрестной рифмовкой. Судя по всему, Эмин, с малых лет записанный в военную службу и получивший соответствующее образование, не имел ясного представления о метрике стихотворений Сапфо, о логоэдической природе строф ее од, хотя уже в 1750-е Сумароков создал убедительные силлабо-тонические аналоги для них. Впрочем, и Виноградов, знавший древние языки, переводил оды Сапфо ямбами и в рифму.

Из десяти идиллий Феокрита, предложенных читательскому вниманию Мутонне де Клерфоном, Эминым была избрана лишь одна — знаменитый «Киклоп». Отдельные описания в ней он счел грубыми, а главного героя несообразным «нынешнему вкусу», что повлекло за собой ряд трансформаций, обоснованных в следующем примечании:

«Сочинитель изобразил влюбленного Циклопа. Циклоп поет у Теокрита: „Я знаю, (Галатея), для чего ты меня убегаешь. Не нравится тебе, что у меня один глаз, что бровь моя ужасно густа и всклокочена, что покрывает она весь лоб и простирается до самых ушей, что преплоский нос опустился и закрывает рот“. Мне показалось, что лучше, выбрав лучшее из идиллий Теокрита, подражать ему, примеряясь к нынешнему вкусу. Читатель! не забудь, что это подражание, а не перевод — и после суди о смелости моей, как хочешь» (с. 59–60).

Развернув на двенадцать стихов обращение к Никию о тщетности поиска лекарств от несчастной любви, боль от которой могут умерить лишь Музы, Эмин вводит в идиллию вместо отвратительного киклопа чувствительного Меналка³³ (это имя фигурирует в других идиллиях Феокрита):

Меналк, цвет красоты, известный всем умом,
Был молод и тогда лишь подбородок, щеки
Покрылись у него пушистым черным мхом,
Меналк искал пресечь мучения жестоки,
Меналк чувствителен, Меналк наш был влюблен,
Несчастный обожал прелестну Галатею;
Меналк был камнем сим бездушным ослеплен;
Так гордую сию пастушку звать я смею.

(с. 61).

И Полифем у Феокрита, и Меналк сходным образом переживают удар, нанесенный Галатеей: они отправляются к морю, к которому обращают песню о ее прелестьях и о своих переживаниях. Но если киклоп с сожалением повествует о своем

³³ Как известно, Вергилий, опираясь на Феокритова «Киклопа», свою вторую эклогу наполнил любовными сетованиями пастуха Коридона к отвергающему его любовь мальчику Алексису. Возможно, данная трансформация (Полифема в Коридона) была известна Эмину и придала ему смелости, когда он преображал Полифема в Меналка и сообразовал того с «нынешним вкусом».

уродстве, то Меналк «упирает» на свою красоту и прочие достоинства в строках, присочиненных Эминим:

Скажи прекрасная, жестока Галатея,
Что есть несносного в Меналке для тебя?
Меналк хорош! — твердят Алкмена и Сирсея,
Но я не верю им, бесчувственну любя.

(с. 63).

В дальнейшем, правда, Меналк, скорее, повторяет аргументы Полифема, делится его воспоминаниями и в конце концов, как и он, готов утешиться с другой красоткой, возможно, даже более хорошенькой, если та полюбит его. Обоим отвергнутым перенести страдания помогает слагание напевов, вновь не без иронии объявляемое в финале, как и у Феокрита, наилучшим (а к тому же еще и бесплатным) лекарством от несчастной любви.

«Меналк» написан шестистопными ямбами и большей частью состоит из катренов с перекрестными рифмами, однако в середине идиллии есть пассажи и с парными рифмами (с. 64, 65 и 67), и с охватными (с. 65). Близкородственность избранной формы александрийскому стиху проявляется в неукоснительном соблюдении цезуры после третьей стопы.

Из девяти идиллий и семи отрывков Биона у Мутонне де Клерфона Эминим были выбраны три идиллии и «отрывок», из шести идиллий Мосха — две.³⁴ Две идиллии Биона переложены александрийскими стихами, еще одна — четырехстопными ямбами с перекрестной рифмовкой, как и идиллии Мосха. После долгого перерыва в книге появляются рифмованные четырехстопные хорей,³⁵ ими переведено краткое стихотворение Биона (в оригинале это два гексаметра, второй из которых обрывается на четвертой стопе):

Утолите сильный пламень
Нетерпенья своего:
Капля, падая на камень,
Роет временем его.

(с. 80).

Обращение к французскому тексту показывает, что Эмин, добившись афористичной емкости в третьем и четвертом стихах, первые два попросту присочинил, сняв указание на то, что в стихотворении передается смысл поговорки:

«Une goutte d'eau, selon le proverbe, tombant continuellement sur la pierre, la mine & la creuse insensiblement» (p 142).³⁶

При этом на выбор размера Эминим, по всей видимости, повлияли десять строк Филиппа Кино из либретто к опере «Атис» (1676, музыка Жана-Батиста Люлли), помещенные Мутонне де Клерфоном в примечании. Отрывок написан силлабическим семисложником с перекрестными рифмами, которые «вполне эквивалентны» эминским хорейам. Кино уподобляет настойчивость влюбленного би-

³⁴ Я следую Эмину и его французскому источнику, называя эти стихотворения идиллиями; данное жанровое определение к ним ныне не применяется.

³⁵ См. выше о переводах Эмина из анакреонтики.

³⁶ Ср. современный «эквивиритмический» перевод в кн.: Феокрит. Мосх. Блон 1958, 177.

ению капли о камень — настойчивость, которая согласно его галантной логике несомненно будет вознаграждена.

Выборочно представляет Эмин и латинских поэтов: из восьми стихотворений Катулла в антологии Мутонне де Клерфона он перелагает всего два, из девяти Горация — также два.

Как верно отметил С. А. Кибальник, «Лезбие» Эмина является контаминацией двух стихотворений Катулла — XCII и LXXXV (второе открывают знаменитые «Odi et amo»),³⁷ с той лишь поправкой, что соединение текстов, как нетрудно убедиться, следует отнести на счет Мутонне де Клерфона, а не Эмина:

«Lesbie me dit toujours des injures: elle ne peut se taire sur mon sujet. Je veux mourir, si Lesbie ne m'aime. Quelle en est la preuve?.. Je la maudis tout le jour, & cependant je veux périr, si je ne brûle pour elle. J'aime & je hais. Pourquoi cela, m'allez-vous demander: je n'en sais rien; mais je le sens, & je suis cruellement tourmenté» (p. 201).

То же можно сказать и о «переогласовке в духе сентиментализма и легкой поэзии», которые усматривает исследователь в этих переводах. Так, обращение к чувствительным любовникам в зачине знаменитого оплакивания воробушка («Любовники чувствительны и страстны, / Участвуйте вы в горести моей!..»), отсутствующее у Катулла, было Эминым почерпнуто у Мутонне де Клерфона: «Pleurez Graces, Amours & vous Amans tendres & sensibles. Le moineau de ma Lesbie est mort...» (p. 206).

Первому переложению Эмина из Горация (Hor. *Carm.* 1, 13) нельзя отказать в определенных достоинствах — и в первую очередь из-за избранного метрического решения. Здесь в рифмованных четверостишиях регулярно чередуются шестистопный и пятистопный ямбы, как видно уже из начальных строк:

Когда ты хвалишь рост, глаза и тень прекрасну
Соперника Телефа моего,
Терзаешь грудь мою тобой, Лидия, страстну,
Так, знаю, точно любишь ты его!

Мяется мысль и дух, и слезы проливаю,
Стараясь от себя, от всех то скрыть.
Неверность я твою, к несчастью, очень знаю,
И не могу тебя я не любить.

(с. 93).

Стихотворение Горация написано четвертой асклепиадовой строфой, в которой регулярно чередуются гликоней и малый асклепиадов стих. По всей видимости, Эмин обсуждал с кем-то из своих более образованных знакомых метрику оригинала, что и подтолкнуло его использовать при переводе альтернанс шестистопного и пятистопного ямбов.³⁸

Той же строфой написан разговор Горация и Лидии (Hor. *Carm.* 3, 9), состоящий в оригинале из шести реплик, каждая из которых насчитывает по четыре стиха, т. е. в общей сложности они составляют 24 строки. В переложении Эмина

³⁷ Кибальник 1983, 56.

³⁸ Вслед за прозаическим переводом этой оды Горация Мутонне де Клерфон поместил ее переложение Ж. А. Риголе де Жювины, катрены которого имеют структуру строф, далекую как от латинского оригинала, так и от стихотворения Эмина.

тридцать шесть стихов, и хотя общий ход страстного диалога передается им довольно точно, реплики насчитывают то четыре, то восемь стихов, как, например, в заключительной части:

Гораций
Ну, ежели я все расстрою
И упаду к ногам твоим,
Забуду белокуру Клою,
Калаис будет все любим!

Лидия
Хотя Калаис мил, как день приятный,
Хоть любит он меня, хоть чувств и чести полн,
Хоть постоянен ты, как ветер превратный,
Хотя скорей вскипишь и адриятских волн,

Тобой дышу, жестокий и неверный,
И мыслию к тебе, и сердцем я лечу;
Ничто Калаиса мне жар безмерный —
С тобою вечно жить и умереть хочу.

(с. 98).

Как кажется, и в этом случае Эмин имел некоторое представление о метрической сложности оригинала, но решил отразить его иным образом, чем в предыдущем переложении, — Гораций говорит у него исключительно четырехстопными ямбами, Лидия — шестистопными. Подобное решение Эмин не мог почерпнуть ни у Ж. А. Риголе де Жювиньи, ни у Л.-Ж. Манчини-Мазарини (их переложения этой оды приводятся в антологии Мутонне де Клерфона; строфика их совершенно иная).

Подведем наконец некоторые итоги.

«Подражания древним» — дань неподдельного интереса Эмина к античной литературе и восхищения ею. Сознывая недостаточность своих знаний и пользуясь французским переводом-посредником, он явно чувствовал себя не очень уверенно, чем объясняется и залихватский тон предисловия к рассматриваемой книге, и прокламируемое в нем крайне вольное отношение к оригиналам. Причисление собственных опытов к разряду «подражаний» должно было, по всей видимости, отвести нападку более сведущих в материи собратьев по перу и исключить излишне критическое отношение к ним. Вместе с тем, как показывает сопоставление его книги с антологией Мутонне де Клерфона, Эмин весьма ответственно отнесся к своей задаче: он последовательно и довольно точно перелагал в русские стихи французскую прозу своего коллеги, позволявшего себе порой куда большие вольности в отношении переводимых им текстов. Уважительное отношение к древним авторам сказалось и в том, что, когда Эмин действительно позволил себе существенные изменения, он предупредил об этом читателя в специальном примечании к идиллии «Меналк», переделке Феокритова «Киклопа».

Эмин, конечно же, не был пролагателем новых путей в литературе и не обладал большим поэтическим талантом. Неплохо овладев доминировавшей в его время стихотворной техникой, он хотя и двигался в русле поэтического мейнстрима

(рифмованная силлаботоника, преимущественно ямбическая), но позволял себе и некоторые метрические новации, выражавшиеся как в регулярном, так и нерегулярном варьировании числа стоп в стихах. Поэтому, несмотря на то, что Эмин пользовался французским переводом-посредником, ему удалось подготовить книгу, способствовавшую лучшему знакомству с творчеством ряда древних авторов в России и благодаря отдельным художественным удачам ставшую заметным явлением литературной жизни 1790-х годов.

Литература

- [Аноним]. Некрология. *Вестник Европы* 1814, 74, 5, 62.
- Античная поэзия в русских переводах XVIII–XX вв.: библиогр. указ-ль*. Сост. Е. В. Свиясов; науч. консультант С. А. Завьялов. Санкт-Петербург, Дмитрий Буланин, 1998.
- Богданова Т. В. Н. Ф. Эмин — поэт и губернатор. *Карамзинские чтения*. [Под науч. ред. С. В. Чернявского]. Санкт-Петербург, 2016, 1, 32–38.
- [Вяземский П. А.] Безделка. *Вестник Европы* 1810, 52, 13, 63–66 (подп.: В....).
- Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский. *Жизнь и творчество*. Ленинград, Наука, 1969.
- Ионин Г. Н. Анакреонтические стихи Карамзина и Державина. *XVIII век*. Сб. 8. Ленинград, Наука, 1969, 162–178.
- Кочеткова Н. Д. Поэзия русского сентиментализма. Н. М. Карамзин. И. И. Дмитриев. *История русской поэзии*. Т. 1. Ленинград, Наука, 1968, 163–190.
- Кибальник С. А. Кагулл в русской поэзии XVIII — первой трети XIX века. *Взаимосвязи русской литературы с зарубежными*. Под ред. академика М. П. Алексеева. Ленинград, Наука, 1983, 45–72.
- Кукушкина Е. Д., Степанюк Е. И. Эмин Николай Федорович. *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 3: Р–Я. Санкт-Петербург, Наука, 2010, 442–444.
- Лаппо-Данилевский К. Ю. «Стихотворение Анакреона Тийского» (1794) как художественное целое. *XVIII век*. Сб. 28. Санкт-Петербург, Альянс-Архео, 2015, 177–235.
- Лаппо-Данилевский К. Ю. «Стихотворения Сафы, лесбийская стихотворица» (1792) И. И. Виноградова и их французский источник. *Летняя школа по русской литературе*. 2018, 14, 1, 14–26.
- Лаппо-Данилевский К. Ю. Неосуществленное издание книги И. И. Виноградова «Анакреон и Сафо с присовокуплением всеобщих и других стихотворений». *Летняя школа по русской литературе*. 2019, 15, 1, 3–15.
- Лаппо-Данилевский К. Ю. «Сумароковский канон» анакреонтической оды в русской поэзии XVIII века. *XVIII век*. Сб. 30: А. П. Сумароков и русская литература его времени. Санкт-Петербург, Альянс-Архео, 2020, 17–41.
- Растущий виноград*. 1785–1787.
- [Сапфо, Псевдо-Анакреонт и др.]. *Стихотворения Сафы, лесбийская стихотворица, переведенные с греческого языка Иваном Виноградовым, изданы с описанием жития сей славная своими дарованиями, любовию и произошедшими от оных злоключениями женщины и присовокуплением песней, переведенных из Анакреонта и других стихотворений*. Во граде св. Петра: [Тип. Сытина], 1792.
- Свиясов Е. В. *Сафо и русская любовная поэзия XVIII — нач. XX вв.* Санкт-Петербург, Дмитрий Буланин, 2003.
- Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800*. Москва, Государственная библиотека СССР, 1962–1975, 1–[6].
- Стихотворение Анакреона Тийского*. Перевел **** [Н. А. Львов]. Санкт-Петербург, 1794.
- Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота*. Санкт-Петербург, 1864–1883. Т. 1–9.
- Феокрит. *Мохс. Бион. Идиллии и эпиграммы*. Пер. и коммент. М. Е. Грабарь-Пассек; отв. ред. Ф. А. Петровский. Москва, Изд-во АН СССР, 1958. (Серия «Литературные памятники»).
- Черняев П. Н. *Следы знакомства русского общества с древнеклассической литературой в век Екатерины II*. Воронеж, 1905.
- Эмин Н. Ф. *Подражания древним*. СПб.: У И. К. Шнора, 1795.

- Ἀνακρέωντος Τηϊῶν μέλη. Anacreontis Teij oda.* Ab Henrico Stephano luce & latinitate nunc primum donatæ. Lvtetiaë, 1554.
- [Anacréon, Sapho] *Les oeuvres d'Anacréon et de Sapho, contenant leurs poésies et les galanteries de l'ancienne Grèce.* Traduites de grec en vers françois par M. de Longepierre avec des notes curieuses sur tout l'ouvrage. Paris, 1692.
- Anacréon, Sapho, Bion et Moschus, traduction nouvelle en prose, suivie de la Veillée des Fêtes de Vénus et d'un choix de pièces de différents auteurs.* Par M. M*** C*** [Moutonnet Clairfons]. Paris, 1773.
- Anacréon, Sapho, Bion et Moschus, traduction nouvelle en prose, suivie de la Veillée des Fêtes de Vénus et d'un choix de pièces de différens auteurs.* Par M. M*** C*** [Moutonnet Clairfons]. Paris, 1780.
- Busch W. *Horaz in Russland. Studien und Materialien.* München, Eidos, 1964.
- Carmina anacreontea.* Edidit M. L. West. Leipzig, Teubner Verlagsgesellschaft, 1984.
- Schenk D. *Studien zur anakreontischen Ode in der russischen Literatur des Klassizismus und der Empfindsamkeit.* Frankfurt a. M., Athenäum Verlag, 1972.

Nikolai F. Emin's *Imitations of the Ancients and their French Source*

Konstantin Yu. Lappo-Danilevskii

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
4, nab. Makarova, St. Petersburg, 199034, Russian Federation; yurij-danilevskij@yandex.ru

For citation: Lappo-Danilevskii K. Yu. Nikolai F. Emin's *Imitations of the Ancients and their French Source.* *Philologia Classica* 2021, 16 (2), 322–337. <https://doi.org/10.21638/spbu20.2021.212> (In Russian)

The article establishes the source of *Imitations of the Ancients*, published in 1795 in Saint Petersburg. The translator and compiler of this book was Nikolai F. Emin (1767–1814), son of Fedor A. Emin (1735–1770), the famous Russian writer and adventurer of Turkish origin who died when his son was only three years old. Emin junior did not know ancient languages and therefore used a French anthology by Julien-Jacques Moutonnet de Clairfons (1740–1813), which was printed many times in the 18th century. For his book Emin choose poems by Sappho, Anacreon (to be precise, Anacreontic poetry), Theocritus, Bion, Moschus, Horace and Catullus. Emin also used the biographical preambles to their poems, which he shortened significantly. In the preface to his book, Emin expounded upon the theory of “imitation,” denying the possibility of precision in poetic translation. He also defended the necessity of rhyme in “imitations” of ancient Greek and Latin poetry. Despite these declarations, Emin generally followed quite closely Moutonnet de Clairfons’ French prose. Only once did Emin make fundamental changes. This was in his “imitation” of Theocritus’ eleventh idyll. In this case, he explained his logic in an extensive footnote. Emin changed the ugly cyclops Polyphemes into the gallant and handsome shepherd Menalk, substantiating his decision with the declaration that such a hero better suited “our present age.” In other cases, deviations from ancient texts can be explained not by Emin’s arbitrariness, but by changes made by Moutonnet de Clairfons in the French translation. For example, it was he who combined two poems by Catullus (XCII и LXXXV), a decision that Emin followed. To the famous lament for a sparrow, Moutonnet de Clairfons added an appeal to “sensitive lovers” which is also found in Emin’s text.

Keywords: 18th-century Russian literature, reception of Sappho, Anacreontic poetry, Theocritus, Bion, Moschus, Horace and Catullus in Russia, Nikolai Emin, J.-J. Moutonnet de Clairfons.

References

- Ἀνακρέωντος Τηϊῶν μέλη. Anacreontis Teij oda.* Ab Henrico Stephano luce & latinitate nunc primum donatæ. Lvtetiaë, 1554.

- [Anacréon, Sapho] *Les oeuvres d'Anacréon et de Sapho, contenant leurs poésies et les galanteries de l'ancienne Grèce*. Traduites de grec en vers François par M. de Longepierre avec des notes curieuses sur tout l'ouvrage. Paris, 1692.
- Anacréon, Sapho, Bion et Moschus, traduction nouvelle en prose, suivie de la Veillée des Fêtes de Vénus et d'un choix de pièces de différents auteurs. Par M. M*** C*** [Moutonnet Clairfons]. Paris, 1773.
- Anacréon, Sapho, Bion et Moschus, traduction nouvelle en prose, suivie de la Veillée des Fêtes de Vénus et d'un choix de pièces de différens auteurs. Par M. M*** C*** [Moutonnet Clairfons]. Paris, 1780.
- [Anonim]. Obituaries. *Vestnik Evropy* 1814, 74, 5, 62 (in Russian).
- Ancient poetry in Russian translations of the 18th — 20th centuries: A bibliography*. Compiled by E. V. Sviiasov; external consultant S. A. Zav'ialov. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1998 (in Russian).
- Bogdanova T. V. N. F. Emin — a poet and a governor. *Karamzinskie chteniia* / [Ed. by S. V. Cherniavskii]. Vyp. 1. St. Petersburg, 2016, 32–38 (in Russian).
- Busch W. *Horaz in Russland. Studien und Materialien*. München, Eidos, 1964.
- Carmina anacreontea*. Edited M. L. West. Leipzig, Teubner Verlagsgesellschaft, 1984.
- Cherniaev P. N. *Evidences of the acquaintance of Russian society with ancient classical literature in the age of Catherine II*. Voronezh, 1905. (In Russian)
- Emin N. F. *Imitations of the ancients*. St. Petersburg, U I. K. Shnora Publ., 1795 (in Russian).
- Gillel'son M. I. P. A. *Viazemskii. Life and work*. Leningrad, Nauka Publ., 1969 (in Russian).
- Feokrit. Moskh. Bion. *Idylls and epigrams*. Translated by and commented by M. E. Grabar-Passek; edited by F. A. Petrovskii. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1958. (Series "Literary Monuments") (in Russian).
- Ionin G. N. Anacreontic poems by Karamzin and Derzhavin. *XVIII vek*. Sb. 8. Leningrad, Nauka Publ., 1969, 162–178 (in Russian).
- Kibal'nik S. A. Catullus in the Russian poetry of the 18th and the first third of the 19th century. *The relationship of the Russian literature to foreign literatures*. Edited by M. P. Alekseev. Leningrad, Nauka Publ., 1983, 45–72 (in Russian).
- Kochetkova N. D. Poetry of Russian Sentimentalism. N. M. Karamzin. I. I. Dmitriev. *History of Russian poetry*. T. 1. Leningrad, Nauka Publ., 1968, 163–190 (in Russian).
- Kukushkina E. D. Emin Nikolai Fedorovich. *Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka*. Vyp. 3: R–Ia. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010, 442–444 (in Russian)
- Lappo-Danilevskii K. Yu. «Poems by Anacreon from Teos» (1794) as an artistic wholeness. *XVIII vek*. Sb. 28. St. Petersburg, Al'ans-Arkheo Publ., 2015, 177–235 (in Russian).
- Lappo-Danilevskii K. Yu. Nikolai F. Emin's «Imitations of the ancients» by Nikolai F. Emin and their French Source. *Letniiaia shkola po russkoi literature*. 2018, 14, 1, 14–26 (in Russian).
- Lappo-Danilevskii K. Yu. Ivan Vinogradov's unpublished book «Anacreon and Sappho, with the addendum of "The vigil of Venus" and other poems. *Letniiaia shkola po russkoi literature*. 2019, 15, 1, 3–15 (in Russian).
- Lappo-Danilevskii K. Yu. Aleksandr Sumarokov's model for the Anacreontic Ode in Eighteenth-Century Russian Poetry. *XVIII vek*. Sb. 30: A. P. Sumarokov and Russian literature of his time. St. Petersburg, Al'ans-Arkheo Publ., 2020, 17–41 (in Russian).
- Poems by Anacreon from Teos*. Translated by **** [N. A. Lvov]. St. Petersburg, 1794 (in Russian).
- Rastushchii vinograd*. 1785–1787.
- [Sappho, Pseudo-Anacreon et al.]. *Poems by Sappho, the lesbian poetess, translated from Greek by Ivan Vinogradov; published with a description of the life of this woman, well known due to her talents, love, which urged her misadventures; with an addendum of Anacreon's songs and others poetries*. St. Petersburg: [Tip. Sytina Publ.], 1792 (in Russian).
- Schenk D. *Studien zur anacreontischen Ode in der russischen Literatur des Klassizismus und der Empfindsamkeit*. Frankfurt a. M., Athenäum Verlag, 1972.
- Derzhavin's works with explanatory notes by J. Grot*. T. 1–9. St. Petersburg, 1864–1883 (in Russian).
- Sviiasov E. V. *Sappho and Russian love poetry in 18th — early 20th century*. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2003 (in Russian).
- Synoptical catalog of the Russian book of the civil press in the 18th century. 1725–1800*. Moscow, Gosudarstvennaia biblioteka SSSR Publ. 1962–1975. T. I–[VI] (in Russian).
- [Viazemskii P. A.] Bagatelles. *Vestnik Evropy*. 1810, 52, 13, 63–66 (Signed: V....). (in Russian).

Received: April 30, 2021
Accepted: August 10, 2021